

ЯДЕРНОЕ НЕРАСПРОСТРАНЕНИЕ: ВОЗВРАЩАЯСЬ К ОСНОВАМ

Д-Р МОХАМЕД ЭЛЬ-БАРАДИ

Ядерное оружие существует немногим более полувека, и за это время было изготовлено свыше 125 тыс. ядерных боеголовок, большая часть которых по своей разрушительной силе превосходит ядерное устройство “Малыш”, сброшенное на Хиросиму. В ходе испытаний ядерного оружия произведено более 2 тыс. ядерных взрывов – в атмосфере, в космическом пространстве, под водой и под землей. Несмотря на окончание “холодной войны”, проблем, связанных с нераспространением и разоружением во всех категориях “оружия массового уничтожения” – ядерного, биологического и химического, – отнюдь не стало меньше. Продолжает сохраняться такое наследие “холодной войны”, как избыток расщепляющихся материалов в виде высокообогащенного урана и плутония, пригодных для использования в ядерном оружии. Хотя и не сбылись прогнозы 60-х гг. о том, что в конечном счете появится от 15 до 20 государств, обладающих ядерным оружием, к сожалению, 40 лет спустя реальность такова, что, как считается, по крайней мере восемь стран располагают этим оружием, и цель создания мира, свободного от ядерных вооружений, по-прежнему далека.

Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) 1970 г., участниками которого стали 188 государств, является краеугольным камнем глобальных усилий в области ядерного нераспространения и разоружения и, несмотря на возникшие в последнее время проблемы, важен сегодня более чем когда-либо. Однако, если мы хотим двигаться вперед, я считаю существенным вновь обратиться к рассмотрению основных предпо-

сылкам и характеристик существующего режима и предложить ряд новых подходов.

Относительно асимметрии “имущих и неимущих”. Основная предпосылка, лежащая в основе Договора о нераспространении, сводилась к тому, что асимметрия между государствами, обладающими ядерным оружием, и государствами, не обладающими ядерным оружием, постепенно исчезнет. Этими двумя четко определенными группами государств были приняты разные взаимосвязанные обязательства: для пяти государств, обладающих ядерным оружием, т. е. государств, изготовивших и взорвавших ядерное устройство до 1 января 1967 г., – обязательство избавиться от этого оружия в результате “переговоров в духе доброй воли”, а для всех других государств – обязательство не приобретать ядерное оружие и принять проверку со стороны МАГАТЭ всей их ядерной деятельности в мирных целях в обмен на доступ к мирной ядерной технологии.

Однако история выполнения этих обязательств неоднозначна.

Действительно, был достигнут значительный прогресс в отношении глобального доступа к благам мирной ядерной технологии – в том, что касается производства энергии, здравоохранения, водного хозяйства, производства продовольствия и восстановления окружающей среды, – благодаря усилиям по передаче технологии МАГАТЭ и других организаций.

И режим ядерного нераспространения соблюдался в целом успешно, но не без некоторых изъянов, на которых я остановлюсь позднее. Прогресс наблюдался и в отношении ядерного разоружения, но здесь предстоит сделать еще гораздо больше. Стратегии ядерного разоружения в основном сосредоточивались на переговорах о заключении двусторонних соглашений по контролю над ядерными вооружениями между обладателями двух крупнейших ядерных арсеналов и нескольких многосторонних соглашений, направленных на сдерживание количественного и качественного наращивания ядерных вооружений.

Окончание “холодной войны” послужило стимулом для достижения определенного прогресса в начале и середине 90-х гг., но, к сожалению, к концу десятилетия этот процесс замедлился. Хотя в результате заключения Договора ОСВ-I, вступившего в силу в 1994 г., удалось добиться значительного сокращения уровней развертывания стратегических вооружений, Договор ОСВ-II, подписанный в 1993 г., в силу не вступил.

Д-р Эль-Бароди – Генеральный директор МАГАТЭ. Данная статья подготовлена на основе его программного выступления на Конференции по нераспространению, организованной Фондом Карнеги (ФКММ) в 2002 г. Дополнительную информацию о ФКММ можно получить на сайте www.ceip.org.

Значительной вехой в усилиях с целью положить конец разработкам в области ядерных вооружений стало заключение Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ) в сентябре 1996 г. Однако те 44 государства, ратификация которыми Договора требуется для вступления его в силу, не спешат его ратифицировать, а отказ сената США в 1999 г. ратифицировать Договор стал явной неудачей. Переговоры по Договору о запрещении производства делящихся материалов (ДЗПДМ) в Женеве топчутся на одном месте, хотя более семи лет назад была достигнута договоренность об их мандате.

Наличие этих проблем можно в принципе объяснить тем, что по-прежнему сохраняется опора на доктрину ядерного сдерживания и отсутствует общая стратегия разоружения. В некоторых случаях, например в отношении ДВЗЯИ и Конвенции о биологическом и токсинном оружии, движение застопорилось отчасти из-за явных сомнений в надежности соответствующих режимов контроля. Отступление по этим направлениям привело к застою в процессе разоружения и развеяло надежды на дальнейший прогресс.

Результатом Конференции 2000 г. по рассмотрению действия ДНЯО с учетом пакета решений и резолюций о бессрочном продлении Договора, принятых на Конференции 1995 г., стало взятие на себя участниками некоторых обнадеживающих обязательств, среди которых немало важное значение имело “безоговорочное обязательство” государств, обладающих ядерным оружием, довести до конца ликвидацию своих ядерных арсеналов. Однако не прошло и двух лет, как произошел резкий отход от соблюдения этих обязательств, в том числе от некоторых из “13 шагов” в направлении ядерного разоружения – таких как “необратимость”, “договоры ОСВ-II, ОСВ-III и ПРО”, дальнейшее “одностороннее” сокращение ядер-

ных арсеналов, “увеличение транспарентности”, “дальнейшее сокращение нестратегического ядерного оружия” и “регулярные доклады” о выполнении статьи VI Договора, – за которыми не последовали конкретные практические действия, а в отдельных случаях от них вообще отказались.

Это не означает, что полностью отсутствуют обнадеживающие признаки. В середине 2002 г. президенты России и США подписали Договор о дальнейшем сокращении своих развернутых стратегических ядерных боеголовок, соответственно, до 1700 и 2200 к концу 2012 г. и согласились изъять из военного использования дополнительные неоговоренные количества расщепляющегося материала. И на своем Саммите в июне 2002 г. главы государств “восьмерки” учредили Глобальное партнерство против распространения оружия и материалов массового уничтожения, взяв обязательство вложить до 20 млрд. долл. в течение следующих десяти лет для финансирования, среди прочего, удаления излишков расщепляющихся материалов оружейного происхождения.

Однако в каждом из фундаментальных аспектов между “имущими и неимущими”, как назвал их президент США Кеннеди, сохраняется асимметрия. Кроме того, некоторые из ядерных государств двинулись в прямо противоположном направлении и подчеркивают важность сохранения ядерного оружия в интересах защиты национальной безопасности, включая обсуждение целесообразности разработки новых типов ядерных вооружений и рассмотрение сценариев применения ядерного оружия против государств, которые им не обла- дают.

На мой взгляд, чем дольше будет существовать такая асимметрия, тем в большей степени она станет угрозой самой основе режима нераспространения. Как было заявлено Канберрской комиссией несколько лет назад, современная ситуация “нетерпи-

ма, [поскольку] обладание ядерным оружием любым государством является для других государств постоянным стимулом приобрести его”. Хотя, может быть, нереалистично ожидать полного ядерного разоружения в ближайшем будущем, важно, чтобы все стороны предпринимали хотя бы символические шаги, сигнализирующие об их готовности во исполнение своих обязательств сокращать ядерные арсеналы и менее полагаться на ядерное оружие.

Решающим шагом на пути к ядерному разоружению стал бы пересмотр принятой много лет назад доктрины “ядерного сдерживания”. Эта доктрина глубоко укоренилась в стратегиях национальной безопасности всех государств, обладающих ядерным оружием, и на нее продолжают опираться многие государства, таким оружием не обладающие, через договоренности о так называемом “ядерном зонтике”, служащем важным элементом их программ обеспечения безопасности.

Действительно, независимо от того, какую сдерживающую роль сыграло ядерное оружие в период “холодной войны”, оно все более теряет свое значение средства демонстрации силы – особенно в предотвращении локальных конфликтов и противодействии угрозам субнациональных террористических групп. При условии, что одним-единственным оправданием применения ядерного оружия может быть только наличие угрозы самому существованию какой-либо нации, обладающие ядерным оружием государства должны, по крайней мере, быть в состоянии ускорить сокращение своих инвентарных запасов этого оружия до минимально необходимого уровня.

Укрепление режима проверки. После обнаружения в Ираке вслед за окончанием войны в Персидском заливе в 1991 г. тайной программы ядерного вооружения стало до боли очевидным, что система проверки МАГАТЭ, сосредоточенная на объявленной

ядерной деятельности при ограниченных правах доступа к информации и на площадки, оказывается недостаточной для обеспечения полной уверенности МАГАТЭ в мирном характере всей ядерной деятельности государства в соответствии с требованиями Договора о нераспространении. Осознание этого непреложного факта подвигло международное сообщество на значительное расширение прав МАГАТЭ в области проверки. Эти новые права были включены в дополнительный протокол 1997 г. к соглашениям о гарантиях, к которому было предложено присоединиться всем государствам.

В отношении государств, не обладающих ядерным оружием, с которыми имеются действующие соглашения о гарантиях и дополнительный протокол, Агентство теперь в состоянии обеспечить твердую уверенность в отсутствии не только переключения объявленного ядерного материала, но и, что не менее важно, необъявленных ядерных материалов и деятельности. Однако вызывает сожаление то, что многие государства не предприняли необходимых шагов по заключению требуемых соглашений о гарантиях с Агентством, не говоря уже о дополнительном протоколе: 49 государств – участников Договора о нераспространении, не обладающих ядерным оружием, еще не имеют соглашений о гарантиях, и с 1997 г., когда был принят Типовой дополнительный протокол, только 28 таких протоколов вступили в силу. Ясно, что необходимо продолжать работу для обеспечения более серьезного отношения государств к своим обязательствам по нераспространению; однако должен отметить, что некоторые не обладающие ядерным оружием государства медлят в проявлении желания заключить требуемые дополнительные протоколы к своим соглашениям о гарантиях, ссылаясь на отсутствие прогресса в области ядерного разоружения. Естественно, что без соглашений о гарантиях Агентство не

может выполнять каких-либо действий по проверке или обеспечивать уверенность в отношении нераспространения. А в государствах без дополнительных протоколов права доступа для МАГАТЭ остаются по существу такими же, как это было до кризиса в Ираке. Для обеспечения требуемой уверенности Агентству необходимо иметь соответствующие полномочия.

Очевидно, что успех осуществления режима проверки со стороны МАГАТЭ будет в решающей степени зависеть от достижения всеобщего присоединения к требуемым соглашениям о гарантиях и дополнительным протоколам всех не обладающих ядерным оружием государств – участников ДНЯО. Агентство должно также располагать адекватными финансовыми ресурсами; несмотря на расширение наших обязанностей, бюджет по гарантиям, как и весь остальной бюджет Агентства, если уж мы заговорили об этом, были заморожены в течение более полутора десятилетий в результате политики общего нулевого реального роста бюджета для всех организаций системы ООН, независимо от сферы их ответственности, приоритетов или характера деятельности. При сохранении такой ситуации неизбежно будет подорвана способность Агентства проводить надлежащие проверки. К счастью, в последнее время ряд государств-членов, включая США, признали важность увеличения ресурсов МАГАТЭ и в настоящее время выступают в пользу такого увеличения.

На режиме проверки МАГАТЭ благотворно сказалось бы также более тесное сотрудничество с государствами-членами в области обмена информацией. Независимо от того, какую информацию государства могут считать относящейся к возможному несоблюдению обязательств по нераспространению, только через МАГАТЭ такая информация может в результате инспекций получить подтверждение и могут

быть сделаны соответствующие выводы. Поэтому нельзя переоценить важность получения своевременной информации от государств о предполагаемых случаях несоблюдения обязательств. Я могу сообщить о заметном прогрессе в установлении порядка получения Агентством соответствующей информации своевременно и при сохранении ее конфиденциальности, с одной стороны, и уважении независимости Агентства – с другой.

Постоянное внимание к несоблюдению обязательств. Больше всего внимания обращено на такой аспект нераспространения, как соблюдение принятых обязательств – в настоящее время это касается ситуации в Ираке и в Корейской Народно-Демократической Республике (КНДР).

Ирак. Недавно я опубликовал в газете “Вашингтон пост” статью установочного характера, в которой изложил свои принципиальные взгляды на то, каковы, по моему мнению, цель и значение инспекций вооружений в Ираке (см. вставку на стр. 7). Инспекционная деятельность, внезапно прерванная в декабре 1998 г., успешно положила конец усилиям Ирака по разработке программы ядерных вооружений. Мы нейтрализовали ядерную программу Ирака. Мы разрушили, изъяли или привели в негодность все его установки и оборудование, связанные с производством ядерного оружия, – в основном к концу 1992 г. Мы конфисковали в Ираке пригодный для оружия материал – главным образом топливо для исследовательского реактора – и к февралю 1994 г. завершили его вывоз из страны. Не претендуя на абсолютную уверенность, мы считали, что не упустили ни одного важного компонента ядерной программы Ирака.

В декабре 1998 г. инспекционная деятельность МАГАТЭ и ЮНСКАМ в Ираке была прекращена ввиду надвигающейся угрозы военных действий. Хотя с тех пор продолжались мониторинг со

спутников и другая аналитическая работа, никакой дистанционный анализ не может заменить инспекции и не может позволить нам сделать выводы о том, что произошло с разработкой ядерного оружия в Ираке за прошедшие четыре года. Единственным путем установить факты остаются инспекции.

После принятия 8 ноября 2002 г. резолюции 1441 Совета Безопасности наша инспекционная деятельность в Ираке возобновилась. Ханс Бликс и я возглавили передовую группу инспекторов, которая отправилась в Багдад в конце ноября. Насколько успешными будут инспекции в Ираке, зависит, с моей точки зрения, от пяти взаимосвязанных предварительных условий: 1) немедленно и ничем не ограниченного доступа к любому местоположению или площадке в Ираке и использования в полном объеме всех полномочий, которыми нас наделил Совет Безопасности, включая дополнительные полномочия, предоставленные по новой резолюции; 2) свободного доступа ко всем источникам информации, включая своевременную разведывательную информацию; 3) единодушной и безоговорочной поддержки со стороны Совета Безопасности при ясно выраженной решимости быстро предпринять действия в случае невыполнения резолюций, что, на мой взгляд, является наилучшей формой поддержки усилий инспекторов и наиболее эффективным сдерживающим фактором против нарушений; 4) активного сотрудничества со стороны Ирака и постоянной демонстрации объявленной им готовности обеспечить транспарентность и предоставить инспекторам возможность выполнять свою миссию без каких-либо условий; и 5) сохранение объективности и беспристрастности инспекционного процесса, свободного от постороннего вмешательства, чтобы обеспечить признание всеми заинтересованными сторонами объективности и достоверности сделанных выводов. Попытки национальных прави-

тельств внедриться в инспекционный процесс в конечном счете контрпродуктивны, поскольку это ведет к подрыву самих основ процесса, не говоря уже о доверии к нему.

Я хотел бы надеяться и верить, что наделенные надлежащими полномочиями и обеспеченные необходимой информацией инспекторы будут в состоянии эффективно проверить и засвидетельствовать факт разоружения Ирака. С моей точки зрения, прибегать к применению силы следует только в самом крайнем случае, а не в качестве первого выбора. Но, независимо от того, как развернутся события в обозримом будущем, инспекции в долгосрочном плане останутся ключевым средством для обеспечения уверенности в том, что тайные усилия по разработке ядерного оружия – в Ираке или где-либо еще – будут обнаружены и им будет положен конец. Например, нет уверенности, что новый режим в Ираке, демократический или иной, автоматически откажется от необычных видов вооружений, если такой отказ был бы сочтен несовместимым с наличием, по его мнению, угрозы для страны. Поэтому важно, чтобы мы предприняли все усилия для обеспечения того, чтобы инспекция – которая играет центральную роль во всей деятельности по контролю за ядерным оружием – была успешно осуществлена как в Ираке, так и в любом другом месте. Для этого необходимо продолжать извлекать уроки из нашего прошлого опыта, совершенствовать систему и, самое важное, продолжать совместно работать для достижения этой цели.

КНДР. КНДР присоединилась к ДНЯО в декабре 1985 г., но соглашение с ней о гарантиях вступило в силу лишь в апреле 1992 г., т. е. шесть лет спустя. Вскоре после этого, в 1993 г., МАГАТЭ и Совет Безопасности объявили о несоблюдении КНДР своих обязательств по соглашению. Это произошло потому, что Агентству не был предоставлен

необходимый доступ к информации и местоположениям, чтобы оно могло удостовериться в полноте и правильности заявления КНДР о своем ядерном материале, подпадающем под действие гарантий МАГАТЭ.

По нашей оценке, работа по проверке полноты и правильности первоначального заявления КНДР могла бы занять от трех до четырех лет при условии полного сотрудничества со стороны КНДР. Эта проверка помимо того, что она представляет собой одно из основных обязательств КНДР по соглашению о гарантиях, является также предварительным условием для поставки ключевых ядерных компонентов в соответствии с Рамочным соглашением между США и КНДР – поставки, которая могла бы начаться уже в середине 2005 г. Поэтому я продолжал убеждать власти КНДР согласиться с тем, чтобы процесс проверки начался.

Недавно полученная информация заставляет предположить, что в течение последних нескольких лет в КНДР также велась работа по программе производства высокообогащенного урана. Мы просили КНДР подтвердить эти сообщения и предложили обсудить на высоком уровне эти и все другие вопросы, связанные с выполнением ею обязательств по нераспространению, которые требуют, чтобы все ядерные материалы в стране были заявлены и поставлены под гарантии. (Среди других событий в конце 2002 г. следует отметить решение Совета управляющих МАГАТЭ об одобрении предпринимаемых Агентством постоянных усилий и настоятельном требовании к КНДР полностью соблюдать свои обязательства.)

Как известно, продолжают попытки сравнивать разные подходы в отношении Ирака и КНДР – двух стран, нарушивших свои обязательства по нераспространению. Различия в подходах объясняются по-разному. Очевидно, что эти две ситуации различны и в высшей степени

сложны, и понятно, что меры поощрения и угрозы наказания – “пряник и кнут” – приходится применять по-разному, делая акцент на одном или на другом. Однако я считаю, что, хотя различия в обстоятельствах могут обусловить необходимость асимметричных ответов, в случае несоблюдения обязательств по нераспространению для сохранения доверия к режиму в любых условиях необходим один и тот же подход: нулевое отклонение от нормы Договора.

Укрепление режима. Параллельно с тем, о чем говорилось выше, мы должны продолжать исследовать прагматические пути укрепления режима нераспространения. В данном случае речь идет о подходе к трем странам, остающимся вне режима нераспространения. Мое мнение таково, что мы не должны продолжать обращаться с этими государствами только как с “аутсайдерами”; скорее, нам следует побуждать их действовать как партнеры в глобальных усилиях по укреплению режима нераспространения и достижению прогресса в ядерном разоружении.

Это можно показать на примере из области контроля за экспортом. Как Индия, так и Пакистан продолжают эксплуатацию некоторых ядерных реакторов и соответствующих установок, требующих применения гарантий МАГАТЭ, однако благодаря контролю за экспортом ни та, ни другая страна не может получить крайне необходимые им оборудование и технологию для обеспечения ядерной безопасности. Вместо того чтобы проводить по отношению к ним исключительно политику отказа, мы должны искать возможности вовлечения этих стран в процесс контроля за ядерной деятельностью посредством применения, среди прочего, не только санкций, но и стимулов. Например, в обмен на получение помощи в области ядерной безопасности – исключение, предусмотренное руководящими принципами Группы ядерных поставщиков (ГЯП), –

эти государства могли бы взять на себя обязательство соблюдать принципы ГЯП и активно поддерживать договоры ДВЗЯИ и ДЗПДМ.

Разработка новых подходов к безопасности. Последняя тема, на которой я останавлиюсь в своем выступлении, касается фундаментальной проблемы безопасности. Чтобы понять, как двигаться вперед, я думаю, мы должны рассматривать не только симптомы, но и лежащие в их основе причины – “движущие силы” и мотивацию ядерного распространения. Почему, например, Ближний Восток остается ареной затихающей активности в области распространения в отличие, скажем, от Скандинавии? Ясно, что этот потенциал создается из-за ситуации непрерывного конфликта и напряженности. То же можно сказать о Южной Азии, другом “рассаднике” тревог, связанных с распространением.

В некоторых регионах основные проблемы, связанные с обеспечением безопасности, удалось большей частью разрешить – в рамках договоренностей о “ядерном зонтике”, о которых я упоминал выше, а также посредством заключения региональных соглашений и достижения компромиссов. В результате в регионах, где проблема безопасности не столь остра, отсутствует или минимален “спрос” на оружие массового уничтожения. Но не должно вызывать удивления, что в регионах, где испытывается дефицит безопасности и не найдено решение конфликтов, такой “спрос” постоянно существует.

В каждом из этих проблемных регионов конфликты и вызванные ими опасности распространения существуют продолжительное время – иногда их скрывали или игнорировали. В подобном региональном контексте обладание одной страной оружием массового уничтожения неизбежно стимулирует других к его приобретению. Следовательно, для каждого из этих регионов переговоры по региональной безопасности не могут быть оторваны от раз-

решения региональных споров, и оба эти вопроса должны обсуждаться параллельно при всестороннем учете опасений в отношении безопасности всех участников. Стопроцентная безопасность для одной стороны может быть стопроцентной небезопасностью для другой.

Один из стратегических подходов, который сейчас вырисовывается, предусматривает повышение роли региональных систем безопасности, подобных той, которая создана в Европе. Насколько эффективными будут эти системы, еще предстоит узнать. Однако, по моему мнению, осуществимость движения вперед – в отношении не только устранения опасений о возможном распространении, но и осуществления значимых сокращений существующих ядерных arsenалов – решающим образом зависит от нашей способности разработать пользующиеся доверием альтернативные стратегии обеспечения безопасности, которые не включают в качестве своего компонента ядерное сдерживание, имеют функциональный характер и на которые все государства могут полагаться, будучи уверенными в их надежности.

Для достижения этой цели крайне необходимо вдохнуть новую жизнь в систему коллективной безопасности 1945 г., предусмотренную Уставом ООН, посредством более широкого определения концепции угроз международному миру и безопасности, которая включала бы не только военные угрозы, но и угрозы, которые таят в себе отсутствие надлежащего правления и узурпирование суверенных прав народа, стремление обеспечить экономическое и социальное развитие, чего бы это ни стоило, и нарушение прав человека. В равной степени важна неотложная необходимость реформирования Совета Безопасности для лучшего отражения меняющихся реалий последних десятилетий и наделяния Совета в рамках четко определенных “правил вмешательства” пра-

ИНСПЕКЦИИ – КЛЮЧЕВОЙ ЭЛЕМЕНТ КОНТРОЛЯ

Как главный инспектор ядерной деятельности, задача которого – удостовериться в разоружении Ирака, я считаю, что в этот решающий момент крайне важно внести полную ясность в то, каковы цели и значение инспекций вооружений в Ираке. Инспекции, проводимые беспристрастной, пользующейся доверием третьей стороной, в течение десятилетий были краеугольным камнем международных соглашений по контролю над ядерными вооружениями; они служат эффективным средством как обнаружения, так и сдерживания намерений осуществить тайную программу производства ядерного оружия.

С 1991 до 1998 г. Международное агентство по атомной энергии, наделенное Советом Безопасности ООН широкими правами в проведении инспекций, успешно положило конец усилиям Ирака по разработке ядерного оружия – самого смертоносного вида оружия массового уничтожения. Как заявил президент Буш в Цинциннати 7 октября 2002 г., “до того как деятельность Международного агентства по атомной энергии в Ираке была прекращена в 1998 г., оно демонтировало значительное количество установок, имеющих отношение к ядерному оружию”.

Мы нейтрализовали ядерную программу Ирака. Мы конфисковали материалы оружейного применения. Мы разрушили, изъяли или привели в негодность все его установки и оборудование, связанные с производством ядерного оружия. Не претендуя на абсолютную уверенность, мы считали, что не упустили ни одного важного компонента ядерной программы Ирака.

Проблема возникла в 1998 г., когда все инспекции были остановлены ввиду надвигающейся угрозы военных действий. Хотя с тех пор продолжались мониторинг со спутников и аналитическая работа, никакой дистанционный анализ не может заменить инспекции и не может позволить нам сделать выводы о том, что произошло с разработкой ядерного оружия в Ираке за прошедшие четыре года. Наилучший путь установить факты – вернуть инспекторов в Ирак.

Спустя четыре года дверь для инспекторов, наконец, вновь открылась, и мы должны в полной мере воспользоваться этой возможностью. Успех инспекций в Ираке – в уничтожении не только ядерного, но также биологического и химического оружия – будет зависеть от пяти взаимосвязанных предварительных условий:

1. Полные и четко сформулированные полномочия для проведения инспекций, что означает незамедлительный и ничем не ограниченный доступ к любому местоположению в Ираке, включая президентские объекты, и практическую организацию связи, транспорта и других видов материально-технического обеспечения для безопасной и эффективной работы инспекторов.

2. Свободный доступ ко всем источникам информации, включая свободу опрашивать соответствующий иракский персонал, без запугивания или угроз наказания этих лиц со стороны правительства Ирака, и доступ к информации из других государств, а также информации, полученной в результате воздушной разведки и другой инспекционной деятельности.

3. Единодушная и твердая поддержка со стороны Совета Безопасности при ясно выраженной решимости быстро и энергично реагировать на любое нарушение обязательств или отсутствие желания сотрудничать со стороны Ирака. Это наилучшее средство сдерживания с целью обеспечить соблюдение Ираком своих обязательств.

4. Сохранение беспристрастности и объективности инспекционного процесса. Режим инспекций должен быть справедливым и беспристрастным, свободным от постороннего вмешательства, чтобы обеспечить признание всеми заинтересованными сторонами достоверности сделанных нами выводов.

5. Активное сотрудничество со стороны Ирака, включая постоянную демонстрацию подтверждения желания правительства обеспечить прозрачность и предоставить инспекторам полный доступ для выполнения их миссии. Этому могло бы способствовать (и сроки инспекционного процесса соответственно сократились бы) проявление инициативы со стороны Ирака в отношении не только пассивного соблюдения обязательств, но и активного сотрудничества, например в виде полного и “окончательного” заявления о своем оборудовании и деятельности, имеющих отношение к оружию.

Одновременно с инспекциями в Ираке во всем мире должны быть приняты жесткие меры для обеспечения физической защиты ядерных материалов в сочетании с эффективным контролем за экспортом всего, что имеет отношение к оружию, и действенным мониторингом на границах для обнаружения любых попыток незаконного оборота и контрабанды.

Независимо от того, как развернутся события в ближайшем будущем, инспекции останутся ключевым инструментом в долгосрочном плане для обеспечения уверенности в том, что тайные усилия по разработке ядерного оружия в Ираке или где-либо еще будут обнаружены и им будет положен конец.

Я хотел бы обратиться с двойным призывом: к правительству Ирака – обеспечить абсолютное сотрудничество, которого требует весь мир; и к международному сообществу – дать инспекторам шанс, прежде чем прибегать к другим альтернативам. -- *Статья д-ра эль-Баради, опубликованная в газете “Вашингтон пост” 21 октября 2002 г*

вом не только реагировать, но также предупреждать угрозы международному миру и безопасности. Области реформирования могли бы включать: постоянно действующий механизм разрешения споров, включая в соответствующих случаях возможность прибегнуть к помощи международного суда и арбитража; гибкую систему санкций в случае несоблюдения обязательств, адаптируемую применительно к различным режимам и ситуаци-

ям; находящиеся в постоянной готовности и лучше оснащенные силы ООН, способные локализовать и урегулировать возникающие конфликты; и согласованные ограничения на использование права вето.

Вывод. Несмотря на наличие проблем, кратко охарактеризованных мною сегодня, я по-прежнему твердо уверен в том, что режимы многосторонних договоров играют важную роль в предотвращении дальнейшего распрост-

ранения и использования оружия массового уничтожения. Стоит вспомнить слова генерала Омара Брэдли, сказанные почти полвека назад: “Мы открыли тайны атома и забыли уроки Нагорной проповеди. Мы больше знаем о войне, чем о мире”. Я надеюсь, все мы продолжим нашу общую совместную работу в доказательство того, что нам удалось извлечь некоторые уроки, с тех пор как генерал Брэдли произнес эти слова. □